

У Хуай чувствовал лёгкое головокружение и всё ещё не мог прийти в себя после кровавого происшествия этой ночи.

Честно говоря, ему казалось, что он немного похож на ворона-неудачника.

Только оформил официально документы о зачислении, только как положено совершил обряд поклонения учителю Лю, отужинал по случаю этого события — и его новый наставник уже лежит в больнице.

Название происшествия: ДТП.

Причина происшествия: В 20:47 водитель легкового автомобиля проезжал перекрёсток на одной из улиц Гуанчжоу, когда в его машину на полном ходу врезался чёрный Audi с номером, начинающимся на букву А, проскочивший на красный свет. У водителя раздроблена левая тазовая кость, перелом правой лодыжки, тяжёлая черепно-мозговая травма, бесчисленные ушибы мягких тканей. В настоящее время пострадавший всё ещё без сознания в больничной палате.

Ответственность за происшествия: Водитель Hyundai двигался согласно правилам, водитель Audi несёт полную ответственность.

В тот момент У Хуай и его отец сидели на заднем сиденье. После мощнейшего удара, перевернувшего всё с ног на голову, когда они пришли в себя, их новый наставник уже лежал в луже крови.

Всего за минуту до этого У Хуай ещё смущённо говорил:

— Наставник Лю, отныне полагаюсь на вас. Я буду усердно тренироваться и постараюсь показывать хорошие результаты.

— Бам!

— Скриип...

У Хуай отделался без единой царапины, наставник Лю отправился на скорой.

Ладно, с медицинскими расходами наставника Лю можно не беспокоиться, и, говорят, опасность для жизни уже миновала, жизнь спасена. Теперь остаётся только наслаждаться оплачиваемым отпуском, как беззаботной жизнью. Но вот кто сможет подсказать, что же делать теперь ему самому?

Учитель Хун, чтобы он смог попасть в провинциальную сборную Гуандуна по плаванию, где собрались знаменитые тренеры, уже полгода строил планы. После многочисленных хлопот ему наконец удалось перевести его регистрацию из Сычуани в Чжуцзян, всё ради того, чтобы он в будущем смог попасть в сборную провинции Гуандун, стать учеником хорошего тренера и отправиться по широкой дороге, ведущей прямо к облакам.

Из-за этого его отец долго был не в духе, ведь он перешёл в регистрацию по материнской линии.

Несмотря на это, отец стерпел, лично привёз его в Гуандун, всю дорогу наставлял и заботился, представил нужным людям, помогал бегать по общежитию, оформлять документы, пока вечером наконец не выкроил время пригласить наставника Лю на ужин, после чего тот со

звуком бам! оказался в больнице.

Просидев в больнице большую часть ночи, жена наставника с покрасневшими от слёз глазами уговорила их вернуться отдохнуть в гостиницу. Отец, испытывая сильную неловкость, сказал на сычуаньском путунхуа с характерным акцентом:

— Я, я останусь, ночью я посижу, вы идите отдыхать.

Жена наставника посмотрела на него и ответила на гуандунском путунхуа:

— Уходите, уходите, здесь я, идите спать.

— Так не годится, вы же женщина, идите домой отдыхать, завтра днём придёте.

— Нельзя, моего мужа я сама присмотрю, уходите.

Отец, моргая, плохо понимал, но, догадываясь по контексту, хотел что-то добавить, как водитель Audi, который устроил аварию, затянувшись сигаретой, раздражённо бросил:

— Тьфу, это её муж, чего ты тут торчишь-то?!

Чистейший пекинский говор.

И тогда У Хуай понуро вместе с отцом покинул больницу.

Было около двенадцати ночи, ворота провинциальной школы плавания уже закрылись, да и только приехав в это незнакомое место, сразу увидел кровь — У Хуай чувствовал себя не по себе и ни за что не хотел расставаться с отцом.

К счастью, отец тоже был озабочен, всю дорогу курил, пока они возвращались в гостиницу.

Двухместный номер, забронированный пару дней назад, ещё не успели поменять, так что они вдвоём прямо там и разместились.

Когда У Хуай принимал душ, он заметил на рукаве синей спортивной куртки тёмные пятна. Присмотревшись, понял — это следы крови. Китайцы хоть и не говорят об этом вслух, но в душе всегда придают значение разным предзнаменованиям. Лёжа в кровати, У Хуай очень хотел сказать отцу: может, лучше вернёмся в Сычуань? Только приехали в Гуандун — и сразу кровавое происшествие, не к добру!

Однако этих слов он так и не произнёс, даже когда отец уже сел в самолёт.

Он с детства учился плаванию, семья за эти годы потратила невесть сколько денег, и делали они это любой ценой. Взять хотя бы этот перевод регистрации — у бабушки со стороны отца лицо вытянулось до колен. Старший внук, единственный продолжатель рода, а регистрацию поменяли — по словам старшего поколения, теперь некому будет заботиться о них в старости и хоронить. Но даже так отец с матерью, стиснув зубы, довели дело до конца.

Теперь, преодолев пол-Китая, с вещами на проживание, он приехал на самый восток страны, солёный морской ветер будто растворился в воздухе, чуждая земля и люди. Хорошо, что небо такое же, и благодатное облако клубится и поднимается прямо в пределах досягаемости. Он тоже полон честолюбивых планов, жаждет взлететь одним махом.

Такую трусливую речь он бы скорее умер, чем произнёс.

Следующие два дня они с отцом навещали в больнице наставника Лю. Его новый, не судьба видно, тренер в основном спал, редко просыпался, да и когда приходил в себя, был не в духе. Обычно в такие моменты вся семья, с глазами полными слёз, держалась за руки, молча смотря друг на друга. Им же, посторонним, лезть со своими разговорами было неудобно.

Не успел оглянуться — наступил третий день. Отпуск отца У Хуая подходил к концу, и в тот день, когда наставник Лю не обменивался с супругой слезами, он задал вопрос, таившийся в душе: а что же теперь будет с моим парнишкой?

Лю Юннин смотрел на У Хуая, и У Хуай отчётливо разглядел на безразличном лице наставника Лю тень недовольства. Он не знал, играло ли тут роль его собственное восприятие, но, оказавшись он на его месте, понимал, что тоже не испытывал бы симпатии к такому ученику — несчастливому для учителя.

Только и слышно было, как Лю Юннин едва слышным, слабым голосом произнёс:

— Сначала возвращайся в школу, тебя обязательно возьмёт какой-нибудь тренер, сначала тренируйся с ними, а когда я поправлюсь — заберу тебя обратно.

В этих словах не было ничего плохого, в данной ситуации они звучали как раз уместно, логично объясняя причину и следствие. Однако У Хуай всё равно ощущал полную растерянность.

Вернуться, сначала вернуться в школу — можно.

Какой-то тренер возьмёт его заниматься — а кто этот тренер? Может ли жизнь на птичьих правах сравниться с положением официального ученика? Он не знал ни пола тренера, ни его характера.

И наконец, говорят, на восстановление после перелома нужно сто дней. Значит, ему предстоит жить на птичьих правах целых три месяца? А эти три месяца как раз включают в себя самое важное лето, а в нём — провинциальный юношеский чемпионат по плаванию, к которому он так жадно готовился. Он всё время думал об этих соревнованиях, надеясь показать хороший результат, чтобы потом наставник Лю ещё мог ему помочь, одним махом отправив в сборную провинции.

В такой решающий момент ждать, пока наставник Лю поправится и вернётся, — значит упустить все возможности.

Что поделаешь, Лю Юннин был прав.

Ему и самому было горько.

Лежа тут прикованным к кровати, он действительно ничего не мог поделать. В этом году он планировал продвинуть не только У Хуая, но и двух своих прежних воспитанников, с которыми его связывали гораздо более глубокие отношения, чем с У Хуаем. И ему тоже оставалось только беспомощно смотреть.

На этом разговор и закончился, все пребывали в растерянности, будущее виделось лишь в тумане.

У Хуай провёл с отцом последний день в маленькой гостинице, а на следующий день в полдень проводил его в самолёт. Перед отлётом отец снова и снова наставлял его, а затем

торжественно вручил ему банковскую карту. Проводив взглядом самолёт, оторвавшийся от взлётной полосы и исчезнувший в лазурном небе, он, с картой в кармане и тремястами юанями наличными, в растерянности сел в такси и, неся на себе надежды семьи, вернулся в провинциальную школу плавания.

Эта школа плавания была для него совершенно незнакомой, на данный момент он знал только, как от главных ворот дойти до общежития, и даже не представлял, куда выходят двери тренировочного зала. По дороге он слышал только непонятную, звенящую кантонскую речь — наверное, разобрал лишь одну фразу: поздравляю с обогащением.

Как раз было время послеобеденного отдыха, солнце палило прямо над головой, было паляще жарко, тени под ногами сжались в комок, поникшие. У Хуай похлопал по карману с банковской картой и стиснул зубы.

Это была зарплатная карта его мамы, которой едва хватало на его ежемесячные расходы в этом приморском городе. Он отлично понимал, что стоит здесь, на крови и поте родителей, и отплатить им было частью причины его стараний. Он также поклялся, что однажды обязательно поднимет родителей на новый уровень.

Вернувшись в общежитие, в двадцать минут третьего, звук открывающейся двери разбудил спавших соседей по комнате. Все открыли глаза, посмотрели на время, железные кровати в два яруса скрипнули, густо, в течение каких-то трёх секунд, а затем так же внезапно затихли. Все пробормотали что-то и снова перевернулись, чтобы поспать.

Спортсмены в основном недосыпают, если можно поспать лишние десять минут, они ни за что не встанут на девятой. Обычно послеобеденный отдых длится до половины третьего.

У Хуай подумал про себя: десять минут можно было убить где угодно, нужно было вернуться чуть позже.

<http://bllate.org/book/15581/1387449>